

ИЗ ПОЭМЫ "СТРАХ" (1984)
(пер. с англ. Аркадия Драгомощенко)

Аркадию Драгомощенко

I.

Кто пленится написанным -
"Люди себя повторяют".
Полнодунье на первое.
"Вопреки прерывности" я. Смеют
нас погода и воздух. Людей
открытые рты красно-желты -
словно зрачки.
Чему не научить, того и не будет.
Как если бы иллюстратору
предложили газетную передовую.
Не изобретают, во следуют.
Тебе впору твой стул.

Так возникают надежды, растут
вопреки прерывности. И так -
в спасительном сне, вопреки толкованью.
Кто поверил, может открыть,
чтобы скрыть. Натиск

возражений отрывистых и заметок.
Соучастие или сеанс. Суженье спирали.
Если мир круга, и ворота уже позади...
Пейзаж - миг времени
дан в точке зрения.

Почему бы не приехать покуда светает. Чему
не научить, того и не будет
человек что лукаво может скрыть. Каждая

пауза не остановка
полнит дрожью привычность, с которой
сквозь оконные стекла смотреть неотрывно
сквозь стены. Это было о спасении детей
на пути пустившегося в бегство автобуса.
Неизбывно-тяжелая эйфория.
Багаж безликость, но как промозгло.
Как долго продлится.
Подобия в повторениях
вымолвят, мнится, "я тоже"

я тебе подскажу. Мой дом привычно приземист.
В листве, чтобы жить в механизме.
Хроническое представление
обращается солнечным днем
как застывшая отстраненность.
Что следует из изготовленного диалога.
Кто верит, что если зовутся романтиками
потому и отзывчивы.

Избирается красно-желтая скудость заводов.
Язык, абсолютная ясность
впитывающей привычки. Страх смерти
как опечатка. Память - рот.
Мои пальцы прижаты к моему кулаку,
следов отпечатки.
Взгляд в себя, отречение, сужение соучастия.
Вода утишает стебель

Между мазней и рисунком. Поднимается
дерево, его знобит солнцем.
Автомобили проносятся мимо ~~ниши~~ кого неизвестно.
Самолет - точка исчезновения
таянья на тропе досягаемости. Словно оптика
или алые зерна вкраплений. Стойкость есть
ожиданье услышать изморось величавых созвучий
сквозящую в геометрии.
Вскинуты, безмятежно, горизонтально

вращаются китайские мельницы. Содействие
пещер заводам. Глубоко в горах своих
движутся, простираясь в решетках,
безжизненно замирая для сроков
как гравюры на стенах.

Небеса были заполнены

очевидно безмарное кажется неизбежным.

Флаг валится вниз. Лошадь ступает
по сухому песку с щелестом трущихся мелких
частиц. И противоречья вскипают
льдам сродни по теченью, взмывая жемчужной пылью.
Грязь.

Живопись не пленяет.

Почти в то же я вспоминаю о своих увлеченьях
повторявших во многом увлеченья других
в чьих кругах чуткий, неприкаянный разум
как если бы в истерии стремился к развязке.
О нагроможденьях рельефа. О науке
для ее практикующих.

Две ноты мотору

в марте наличием мрака ограничена грязь
ни распад ни прозрачность.

Он садится за фортепьяно, атака
на звучание губ. Тому, кто в клетке
линяющего попугая, тому следовать диалогу
изготовленному наукой

для ее практикующих. Тишина наполняет.

Сцена за сценой продергивается в мосты.

Так воздух всегда пробирается до сердца
нутра, внедряясь в природу с горнилом ее перемен
в отдаленьи от привязи, шлет поистине
легковесное говоренье

без знаний французского - не произносить.

Резинов рассвет, его цена.
Вразумительна, неуклюжа
горизонта хрупкая тишина. В коже залежи свойств.
Одним ведам удается
сквозь сети скользнуть, другие сгниют. Ничто
особенно меня не тревожит.
Сама по себе приходит беспечность
спло, оттягивая застрявший день.
Кого он - шичю не знаю.